

Янь Мин с первого взгляда распознал неловкость Цзи Сюэмяня и, совершенно не к месту и не проявив никакой проницательности, спросил:

— Сюэмянь, что с тобой такое?

Янь Мин обратился к нему с такой теплотой, что ледяное выражение, застывшее в глазах Цзи Сюэмяня, невольно смягчилось. Цзи Сюэмянь хладнокровно подумал, что Янь Мин — его близкий друг и преданный подчиненный, поэтому не стоит обходиться с ним так холодно. С другой стороны, он уже привык, что Янь Мин называет его по имени, и не стал придирается.

Естественным жестом положив руку на плечо Янь Мина, он сам слегка согнулся в поясе, на лице его отразилось терпеливое страдание. После того как Дуань Цичи устроил ему такую встряску, сил совсем не осталось, и Цзи Сюэмянь прямо признался:

— Поясницу ломит.

Янь Мин придержал его, озадаченно спросив:

— С чего бы это? Повернись, дай я разомну, ты что-то потянул или ушибся?

Талия у Цзи Сюэмяня была до смешного тонкой — не будет преувеличением сказать, что её можно было обхватить одной ладонью, — но при этом жилистой. Что больше всего сводило с ума, так это глубокая, изящная ложбинка, проходящая посередине узкой спины. Пояс его был затянут безукоризненно, но в той самой впадине ткань от ветра то и дело подрагивала.

Янь Мин, человек прямодушный и добродетельный, при виде такой картины отвел взгляд:

— Ты что, совсем не ешь? Если я сожму твою талию, то сломаю её, одни кости остались.

Цзи Сюэмянь опустил ресницы и улыбнулся:

— Аппетита нет, привык уже.

Янь Мин покачал головой:

— Как только ты отправил письмо в Столицу, Император забеспокоился так, что потерял сон. Он тут же издал указ, но при дворе не нашлось ни одного чиновника, который осмелился бы его исполнить. Все боятся тебя, страшатся, что из-за одной оплошности ты с ними расправишься.

Цзи Сюэмянь прекрасно понимал суть дела:

— Если не справишься с должностью инспектора, головы не сносить. Я думал об этом, и единственным, кто решился бы приехать, был только ты.

Янь Мин усмехнулся, ничуть не боясь смерти:

— Я сам напросился в Наньцзян. Во-первых, мы с тобой земляки и старые друзья. А во-вторых, зная твое слабое здоровье, я приказал Императорской лечебнице снарядить несколько повозок с отварами. Сейчас прикажу на кухне вскипятить воды, заварю тебе лекарство.

Убедившись, что вокруг никого нет, Цзи Сюэмянь тихо спросил его:

— Прошло немало времени с тех пор, как ты покинул Столицу. Не слышал ли ты об организации убийц под названием Паук?

Янь Мин был наслышан:

— Ты ещё про Паука спрашиваешь? Даже не знаешь, что по пути сюда, в Сучжоу, губернатор Лу спрашивал меня об этом. Ходят слухи, что регент опозорил тебя в Братской могиле. Разговоров полно, весь город гудит, все говорят, что регент задумал бунт.

Как и ожидалось, у Цзи Сюэмяня перехватило дыхание. Он с трудом спросил:

— Неужели дошло до Столицы?

Янь Мин упустил главное:

— Неужели это правда?

Цзи Сюэмянь хлопнул его по руке:

— Нет. Тот убийца искал смерти, раз посмел распускать такие слухи.

Янь Мин успокоился:

— Я так и думал. В конце концов, регент всё же...

Цзи Сюэмянь немного помолчал, затем произнес:

— Господин Янь...

Не договорив, он почувствовал, что кто-то подслушивает, и, плотно сжав губы, повысил голос:

— ...меня укусила собака. Найди-ка, господин Янь, палку покрепче, хочу проучить пса.

Дуань Цичи, который и без того переживал за него, облизнул клыки. Его красивое лицо оставалось невозмутимым, он ничуть не выглядел виноватым оттого, что его разоблачили. В его голове стоял образ Цзи Сюэмяня с его узкими, подернутыми влагой глазами — упрямый и такой привлекательный. Весь мир любит нежных красавиц, и только он один питает слабость к холодному красавцу.

Дуань Цичи перестал прятаться и вышел, ступая с грацией и достоинством, присущими его высокому положению:

— Какая ещё собака? Чёрная или белая? Давай я поймаю её для тебя, будешь на ней ездить.

Цзи Сюэмянь закатил глаза, метнув в него взгляд, острый, как иней на клинке. Дуань Цичи, словно не заметив этого — или намеренно сделав вид, — продолжил:

— Не хочешь ездить на собаке? А может, хочешь покататься на мне...

— Замолчи, — холодно бросил Цзи Сюэмянь.

— ...на моем коне по кличке Уюнь? Он очень послушный. Совсем как ты вчера вечером.

Дуань Цичи сложил руки на груди, с интересом прищурившись. Когда Цзи Сюэмянь был взволнован, он по привычке сильно сжимал кулаки: иногда это был комок бумаги, иногда подставка для кистей, а сегодня «жертвой» стал Янь Мин в чиновничьем халате.

Бедный Янь Мин, невинно пострадав, перехватил руку Цзи Сюэмяня:

— Хочешь прикончить меня — так и скажи! Хватит вливаться в меня своими когтями, ещё одну дыру сделаешь — я с тобой до конца буду разбираться!

Дуань Цичи склонил голову и с легким раздражением предупредил:

— Янь Мин, убери руки.

Янь Мин опешил:

— Что вы такое говорите, регент? Посмотрите сами, кто первый начал? Это господин Цзи! Почему вы его не ругаете? Это предвзято, ваш покорный слуга с этим не согласен!

Цзи Сюэмянь уже отвел руку и спрятал её за спину. Он молчал, а на его белоснежных, как снежки, щеках проступил румянец. Ресницы слегка дрожали, он плотно сжал губы, отказываясь произнести хоть слово. Глядя на его холодный нрав, никто бы не поверил, что вчера вечером он был таким послушным, таким мягким, как вода.

У Дуань Цичи чесались зубы: досадовало то, что на глазах у Янь Мина он не мог осмотреть руку Сюэмяня. Проглотив досаду — осмотр можно провести и позже, — он постарался максимально спокойным голосом спросить:

— Я слышал, ты сказал, что господин Цзи болен? Что за болезнь?

Янь Мин, не заподозрив подвоха, ответил:

— Разумеется, это и болезни легких, и сердца, и костей, и простуды...

Дуань Цичи нахмурился, став серьезным:

— И Император позволяет своему учителю вот так разгуливать повсюду?

Янь Мин возразил:

— Регент, вы сами посудите, кто может указывать господину Цзи?

Дуань Цичи лишился дара речи — это было правдой. Янь Мин почтительно добавил:

— Я полагал, регент, вы давно в курсе. Господин Цзи постоянно кашляет кровью, боится холода, то и дело слегает с высокой температурой, а в дождливую погоду, когда влажно, его тело ломит от боли... В Наньцзяне такой сырой и холодный климат, он здесь уже столько времени, неужели вы ничего не заметили?

Дуань Цичи был поражен. Он знал, что у Цзи Сюэмяня слабое здоровье, но не подозревал, что настолько. Можно было представить, как сильно Сюэмянь не хотел, чтобы другие видели его уязвимость, как он стискивал зубы и терпел, лишь бы никто не посмотрел на него свысока.

Дуань Цичи сжал челюсти, сдерживая ярость. Глядя на Цзи Сюэмяня, как дикий зверь на умирающую добычу, он процедил:

— ...Почему ты не сказал мне? И позволил мне...

Его взгляд многозначительно опустился вниз. Цзи Сюэмянь тотчас вспомнил связку нефритовых бусин, и его бледная кожа натянулась:

— Регенту не о чем беспокоиться, ваш покорный слуга жив-здоров, в ближайшее время умирать не собираюсь.

Янь Мин остолбенел. Цзи Сюэмянь сошел с ума? Как он смеет так говорить с регентом? Подумав немного, Янь Мин отвел взгляд и всё понял. Высоко небо, далеко Император — другие могут не знать, но он-то прекрасно помнит их давние счеты. Рука Столицы сюда не дотянется, пусть делают что хотят, а он предпочтет прикинуться слепым.

Дуань Цичи широким шагом подошел к ним и, не говоря ни слова, потянулся к руке Цзи Сюэмяня:

— Пошли со мной в шатер, я помогу тебе это вытащить.

Янь Мин растерялся:

— Что вытащить? Лекарство? Оно в моей повозке, может, мне прислать кого-нибудь?

Цзи Сюэмянь, взмахнув широким рукавом, оттолкнул руку Дуань Цичи и нарочно произнес:

— Кстати, регент в последнее время дает мне один отвар. Господин Янь, если будет время, посмотрите, от чего он помогает.

Дуань Цичи, задетый за живое, несколько раз сухо кашлянул. Всё было более чем очевидно. Это была всего лишь ароматическая роса, в которую он добавил немного специй, чтобы кожа Цзи Сюэмяня пахла ещё притягательнее. После приёма этого средства даже его тонкие запястья, белые как снег, источали чарующий аромат. Этот невольный, густой и сладостный запах Цзи Сюэмяня заставлял Дуань Цичи терять над собой контроль. Второе действие у отвара тоже было — он действительно освежал легкие.

Но он не мог сказать этого Цзи Сюэмяню. В сердце этого человека были лишь страна и народ, и не находилось места даже для маленькой лепешки для Дуань Цичи.

Янь Мин, не подозревая подвоха, кивнул:

— Разумеется, без проблем. Мой род из поколения в поколение занимался медициной, я единственный, кто пошел на государственную службу, но в рецептах я толк знаю.

Дуань Цичи невозмутимо остановил его:

— Господин Янь, может, вы выпишете несколько рецептов, а я сам буду готовить отвары для господина Цзи? Не слишком ли это хлопотно?

— Хлопотно или нет... не мне судить. Господин Цзи, что скажете? — осторожно спросил Янь Мин.

Цзи Сюэмянь понял: Янь Мин не осмеливается доверить лекарство Дуань Цичи, боясь, что тот его отравит. На душе у него потеплело, и выражение лица стало мягче:

— Отдайте рецепты Лань Шэню. Он со мной много лет, я доверяю только ему.

Как и ожидалось, Дуань Цичи больше не настаивал на том, чтобы готовить лекарство самому.

Цзи Сюэмянь повернулся, собираясь вернуться в лагерь, но Янь Мин уже ушел вперед. Дуань Цичи в пару шагов нагнал его, схватил за руку и, не тратя лишних слов, затащил в угол за стеной, не скрывая своей властности.

Цзи Сюэмянь заметил:

— Белый день, приличия же!

В глазах мелькнуло, и он оказался прижат к земляной стене. Он не ушибся, но зато Дуань Цичи содрал кожу на руке. Тот, не обращая внимания на боль, опустил глаза и спросил:

— Перестань меня поучать, я не маленький Император. Я спрашиваю — у тебя рука сейчас болит?

Глаза Цзи Сюэмяня, подобные инею, хранили память о ночных похождениях Дуань Цичи. Он ответил уклончиво:

— Рука не болит. У регента есть ещё вопросы?

— Здесь никого нет, я не хочу, чтобы ты звал меня регентом. — Дуань Цичи поднял его руку и прижал к своей щеке. — Вчера ночью ты звал меня иначе, вот так же и сейчас позови.

Цзи Сюэмянь решил прикинуться дурачком:

— И как же я тебя звал? Скотина? Негодяй? Или зверь? Выбирай сам.

Он намеренно не упоминал те ласковые обращения: «Ванье», «Девятый господин», «Девятый братец», «Братец А-Чи».

Цзи Сюэмянь, будучи в здравом уме, не поддался бы на провокацию. Дуань Цичи, не зная, что ещё придумать, рассмеялся от досады и укусил его за подбородок. Его голос прозвучал глухо, хрипло и обиженно:

— Пусть будет зверь. Раз уж это лагерь диких зверей, появление зверя вполне естественно.

— Хорошо, звериный ванье Дуань Цичи, звучит неплохо, — серьезно кивнул Цзи Сюэмянь, оставаясь в кольце его широких рук, не в силах пошевелиться.

Дуань Цичи при этом не прикладывал ни капли силы, он лишь накрыл его собой, ведя себя на удивление покладисто и нежно. Совсем не так, как прошлой ночью, когда, превратившись в дикого зверя, он был готов пригвоздить Цзи Сюэмяня к ложу.

Дуань Цичи прижался кончиком носа к его подбородку. Прохладная кожа пахла как редкий цветок в глубокой долине. Он вдыхал этот аромат снова и снова, придвигаясь всё ближе.

Цзи Сюэмянь оттолкнул его:

— Отойди.

Дуань Цичи, будучи так близко, выдохнул ему на кончик уха:

— Здесь никого нет, чего ты боишься?

Цзи Сюэмянь опустил взгляд:

— Руки... убери.

Он сжал запястье Дуань Цичи, чьи нескромные пальцы уже тянулись к Императорскому Тигриному Верету на его поясе. Цзи Сюэмянь бросил:

— Всё не оставляешь своих воровских намерений.

Дуань Цичи беспечно рассмеялся, его лицо сияло довольством:

— Шучу, ты правда разозлился?

Цзи Сюэмянь поджал губы:

— А кто с тобой шутит?

<http://bllate.org/book/21919/2277352>